

ВСТУПЛЕНИЕ

Социальное неравенство характерно для любого общества. Но в странах Центральной и Восточной Европы после развала СССР и начала трансформационных процессов поляризация населения на бедных и богатых достигла значительных размеров и воспринимается обществом как серьезный социальный вызов. Поэтому не удивительно, что проблемы социального неравенства и его последствий в последние десятилетия широко обсуждаются на страницах многочисленных публикаций. Злободневность данной тематики обусловлена и тем, что уровень социального неравенства в отдельных странах остается еще достаточно высоким, и это заставляет задуматься над вопросом, чем оно становится в повседневной жизни населения этих стран — оказывается тормозом или, наоборот, стимулирует общество к более интенсивному развитию.

Посткоммунистическая Центральная и Восточная Европа в сравнительной перспективе» (*Social Inequality and Why it Matters for the Economic and Democratic Development of Europe and its Citizens: Post-Communist Central and Eastern Europe in Comparative Perspective*. (EUREQUAL) (6-я Рамочная программа Комиссии Европейского Союза Контракт № 028920 (CIT5), 2006–2009).

Проект был инициирован Комиссией Европейских Сообществ, что не могло не отразиться на его замысле. Одна из важнейших задач проекта заключалась в получении разнообразной информации по широкому спектру процессов, разворачивающихся в этих странах и влияющих на их интеграцию в мировое сообщество. По мнению европейских экспертов, в проводимых изысканиях должны были актуализироваться основные принципы современной Европейской глобализационной политики, направленной на установление более широкого диалога между Европейскими странами.

Координационный центр проекта находился в Оксфордском университете (Великобритания), а его исполнителями были научные коллективы из Болгарии, Чехии, Венгрии, Польши, Румынии, России, Беларуси, Украины, Литвы и Нидерландов. Среди них государства —

члены ЕС, ассоциированные государства и страны, которые сотрудничают с ЕС (например, Россия и Белоруссия). Важно отметить, что в проекте такого масштаба сотрудники Санкт-Петербургского Социологического института РАН, сектора исследования социальной структуры (бывший сектор изучения проблем городского образа жизни) участвовали впервые.

Проблемы трансформации постсоветского пространства в течение последних лет привлекают пристальное внимание многих межстрановых исследовательских коллективов. Среди наиболее значимых можно отметить международный социологический проект «Европейское социальное исследование», целью которого являлось измерение и интерпретация изменений во времени установок, ценностей, восприятия, моделей поведения населения Европы и установление зависимости этих изменений от социальных, экономических и политических условий [1].

Специфика нашего проекта заключалась в том, что он фокусировался на изучении социального неравенства в странах посткоммунистического пространства, в которых идут уникальные социокультурные процессы, связанные со сломом прежней системы социального равновесия и формированием новых общеевропейских взаимоотношений.

Изучение глубоких системных преобразований в государствах Центральной и Восточной Европы, анализ характера, причин и последствий социального неравенства как для населения, так и для стран этого региона обусловили мультиуровневый характер проведенного сравнительного исследования. При таком подходе социальное неравенство представлялось как многоуровневая проблема, имеющая сложную, многогранную природу. Механизмы изменения неравенств в постсоветских обществах, масштабы и значимость экономических и социальных последствий рассматривались одновременно на уровне индивидуума, домохозяйства и государства.

Сопряженность макро и микроуровней исследования позволила рассмотреть влияние социального неравенства на политику и экономику стран, развитие демократических институтов, на социальные проблемы в обществе, на восприятие представителями различных социальных групп и индивидов уровня реального благосостояния. Кроме этого были исследованы не только причины и механизмы воспроизводства социального неравенства, но и вся совокупность последствий, обусловленных его уровнем.

Возможность успешно реализовать содержательные задачи проекта обеспечил уникальный эмпирический материал: массив количественных и качественных данных, характеризующих разные аспекты и проявления социального неравенства, собранный в обследуемых странах

и проанализированный в статьях сборника. Авторы также активно использовали в своих статьях материалы аналитической работы, отражающие специфику исследований социального неравенства как социальной проблемы в каждой отдельной стране и Европейском сообществе в целом за период до и после выхода из социалистического лагеря (desk-researches) и предваряющей работу по проекту EUREQUAL.

Вполне уместно, на наш взгляд, обратить внимание читателя на эмпирическую базу межстранового исследования, обладающего собственной спецификой сбора и анализа данных. Массовый анкетный опрос проводился в каждой из обследуемых стран по общенациональной репрезентативной выборке. Общее количество опрошенных в 13 странах составило 15648 человек. Распределение по странам было таково: в России — 2000, в Беларуси — 1000, в Болгарии — 1000, в Чехии — 994, в Эстонии — 1057, в Венгрии — 1030, в Латвии — 1001, в Литве — 1002, в Молдове — 1042, в Польше — 1498, в Румынии — 1492, в Словакии — 1032, в Украине — 1500.

Опрос проводился по единой анкете, включавшей вопросы об отношении населения каждой страны к различным аспектам социального неравенства, в том числе по оценке его желательности/нежелательности, отношению к роли государства в регулировании уровня социального неравенства и т. п. Организацией и проведением массового опроса руководили Стивен Вайтфилд (координатор проекта, профессор Отделения политики и международных отношений Оксфордского университета, Великобритания) и Игорь Галин (руководитель рабочей группы исследовательской компании Russian Research Ltd, Великобритания — ведущий партнер в консорциуме по этому проекту)¹.

Для получения качественной информации использовался метод фокус-групп, который позволил выявить широкий спектр проблем социального неравенства в повседневной жизни, представления людей о неравенстве, существующем в политической, экономической и социальной сферах. В сценарий фокус-групп были включены вопросы не только о конкретных проявлениях и причинах социального неравенства в жизни людей, но и то, как обычные люди ощущают неравенство, какую роль оно играет в их жизни и в жизни общества в целом, является ли оно необходимым для развития общества и т. д.

Во всех обследуемых странах участниками фокус-групп были жители крупного города и поселка городского типа или сельской местности.

¹ В России сбор эмпирического материала по репрезентативной выборке и проведение фокус-групп осуществлялось фирмой «Той-опинион» под руководством Н. В. Ядова и при экспертном сопровождении сотрудников СИ РАН.

Во всех странах было проведено по четыре фокус-группы, а в Украине, учитывая социокультурные различия Восточного и Западного регионов, было проведено восемь фокус-групп. В каждой группе участвовало по 12 человек, группы были сбалансированы по уровню дохода, полу и возрасту, уровню образования и занятости (в основном, участвовали работающие респонденты). Участниками фокус-групп стали жители со средним и низким уровнем дохода, соответственно рассчитанным для каждой страны.

Респонденты выбирались случайным способом с использованием метода скрининга (предпочтителен был метод случайных контактов). Каждая фокус-группа имела продолжительность примерно 120–150 минут, все аудиозаписи были полностью транскрибированы. Для анализа текстов использовался метод категоризации через осевое кодирование с помощью программы MAXqda2 [2]. Организация и проведение фокус-групп проводилась под руководством Елены Аветовой (администратора проекта, Оксфордский университет).

В ходе разработки исследовательской методологии и инструментария осуществлялось постоянное взаимодействие представителей рабочих групп стран-партнеров EUREQUAL, что обеспечило выполнение всех необходимых процедур для достижения высокой степени «эквивалентности» и «сопоставимости», обязательных для сравнительных межстрановых исследований. Рабочие встречи проводились в Оксфорде, Киеве, Лондоне и Санкт-Петербурге. Предварительные результаты обсуждались на презентациях в Оксфорде и Праге. Такое тесное сотрудничество обеспечило высокое качество эмпирической базы, сопоставимость результатов анализа и последующих интерпретаций текстов.

Среди статей сборника, представляющих результаты аналитической работы с данными EUREQUAL, особое внимание читателя хотелось бы обратить на коллективную работу английских ученых *Стивена Вайтфилда (Stephen Whitefield, University of Oxford)*, *Мэтью Лавлеса (Matthew Loveless, University of Kent)* и *Кьяры Бинелли (Chiara Binelli, University of Oxford)* «*Social inequality: its character, how it is perceived and the implications of its perception for social and political stability*», которая и открывает сборник.

В своей статье авторы предлагают собственный подход в рассмотрении концепта «социальное неравенство». В отличие от традиционного измерения расслоения населения по уровню материального достатка, Стивен Вайтфилд и его коллеги представляют социальное неравенство как комплекс преимуществ и недостатков (пользы и вреда) в сферах распределения. На данных проекта они демонстрируют эффективность использования операционализированного ими концепта для исследования восприятия гражданами социального неравенства в условиях

современного кризиса и перспективы социальной и политической стабильности в обследованных странах.

Воздействию уровня социального неравенства на формирование политических ориентаций населения стран Центральной и Восточной Европы посвящена статья *Николая Корнева (Социологический институт РАН, Россия) «Поддержка демократии и «синдром авторитаризма»*. В ней рассмотрен широкий круг факторов, связанных с выбором граждан между демократией (идеальной/реальной) и авторитаризмом, тревожный рост социальной базы которого в последние годы заметен в значительной части посткоммунистической Европы. Среди таких факторов автор обнаружил, прежде всего, избыточный уровень социального неравенства, высокую коррумпированность и изолированность власти от населения, а также целый ряд других характеристик, отличающих идеальные конструкты демократии и рынка от их реальных воплощений. Приверженцами авторитарного режима, как правило, выступают представители более старших групп населения, с низким уровнем образования и социальным статусом. Выявленный автором статьи «синдром авторитаризма» как сложный комплекс качеств массового сознания проявляется, в частности, в консерватизме, в жесткости позиций относительно норм организации жизни общества и семьи, в негативном отношении к рыночной экономике. Среди стран-участниц проекта EUREQUAL наиболее часто указанный синдром встречается в Украине, Болгарии, Венгрии и России.

Предположение о наличие элементов этакратизма в политическом устройстве постсоциалистических государств высказывают исследователи *Светлана Игнатова и Евгения Порецкина (Социологический институт РАН, Россия)* в статье *«Представления о причинах и проявлениях социального неравенства в странах постсоветского пространства (Россия, Украина, Белоруссия, Литва и Латвия)»*. Подтверждение этому они находят в детальном анализе текстов 20 фокус-групп, проведенных в России, Украине, Белоруссии, Латвии и Литве, в ходе которого были выделены основные блоки существования социального неравенства с точки зрения участников фокус-групп — «власть», «доход» и «место проживания». При этом наиболее значимой и агрегированной причиной социального неравенства для всех стран оказалась «власть» — то есть политика государств и действия властей на всех уровнях. Авторами также были выделены основные категории вербализации респондентами социального неравенства, которые во многом оказались сходными во всех обследованных странах.

Влияние избыточного уровня социального неравенства не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику ряда государств было рассмотрено в статье *Галины Еремичевой (Социологический институт РАН,*

Россия) «Отношение населения России, Беларуси и Украины к социальному неравенству и деятельности Евросоюза». Автор показывает, как через призму восприятия негативных аспектов социального неравенства формируется критическое отношение граждан не только к политике собственного правительства и властных структур, но и к деятельности Евросоюза и других международных организаций, направленной на снижение этого уровня в России, Беларуси и Украине. Несмотря на то, что трансформационные процессы в этих странах развиваются по разным сценариям, а лидеры этих государств отстаивают разные политические и экономические интересы во внутренней и внешней политике своих государств, отношение населения к социальному неравенству имеет много общих черт. Это обусловлено не только многовековым опытом совместного проживания народов в едином государстве, но и тем, что современная внутренняя политика в этих странах во многом сохраняет элементы советского строя.

Политическим ориентациям граждан Западной и Центральной Европы через несколько лет после победы Солидарности, падения Берлинской стены и распада Советского Союза посвящена статья польского исследователя *Кшиштофа Подемского (Krzysztof Podemski, Institute of Sociology, Adam Mickiewicz University, Poland)* «*Left, right and centre. Political orientation in Eastern and Middle Europe*». В своей статье автор реконструирует такие концепты политических идентичностей, как «левые», «центр» и «правые», и исследует, как соотносятся политические самоидентификации с социальной позицией граждан, с пониманием ими общественных ценностей и их «реальным» политическим поведением. Межстрановой анализ «лево-правого» самоопределения граждан разных по своему политическому устройству государств существенно расширяет рамки проведенного исследования и повышает его значимость. Иллюстрируя свои выводы нетривиальными случаями политических предпочтений в разных странах, К. Подемский выделяет специфические особенности процесса самоидентификации, свидетельствующие о значимой корреляции политического самоопределения с такими показателями респондентов, как возраст, социальный статус и экономическое положение, моральный консерватизм, ксенофобия и отношение к деятельности Евросоюза.

Углублением политической составляющей представленного сборника можно считать и коллективную статью венгерских авторов *Марины Понеску (Marina Popescu, University of Essex, UK)*, *Себастьяна Попы (Sebastian Popa, Central European University, Budapest, Hungary)* и *Габора Токи (Gabor Toka, Central European University, Budapest, Hungary)* «*The Influence of Democratic Institutions on the Impact of Political Sophistication*». Используя естественный эксперимент, обеспеченный демократизацией

Западной и Центральной Европы, они исследуют процесс осознания своих политических прав гражданами с помощью таких политических институтов, как плюралистические СМИ и партийная система, которые предлагают ясные и стабильные альтернативы политического выбора. Авторы оценивают как позитивное влияние уровня демократии и консолидации демократических институтов на формирование коллективных политических предпочтений, которые граждане реализуют в процессе политических выборов. Они также исследуют, насколько значимыми оказываются такие показатели, как базовый уровень знаний респондентов, наличие эффективных информационных ярлыков и косвенное гражданское равенство при реализации избирательного права граждан.

В коллективной статье *Елены Аветовой (Elena Avetova, University of Oxford, UK), Игоря Галина (Igor Galin, Russian Research Ltd, UK), Юрия Привалова, Алеси Трофименко (Институт социологии НАН, Украина)* «Социальное неравенство: вчера, сегодня, завтра» авторы представляют современное социальное неравенство в его ретроспективе и перспективе. Исследователи рассматривают проблемы социального неравенства, существовавшие как в условиях советского политического режима, так и после обретения Украиной независимости. В сравнительных моделях социально — классовой стратификации они выявляют характерные черты новой социальной структуры. В обзоре нормативных актов, гарантирующих реализацию прав и свобод граждан, в сравнительном анализе действующего украинского законодательства и законодательства СССР они выделяют юридические аспекты социальной стратификации украинского общества, источники существующего социального неравенства. Среди основных факторов, способствующих воспроизводству социального неравенства в обществе, ими исследуется влияние современной партийной системы в Украине, формулируются ключевые тенденции и концепты, связанные с социальной стратификацией и ее осознанием в обществе.

По общему мнению представленных выше авторов, Беларусь занимает особое место среди стран бывшего СССР. От Украины, России и других стран-участниц проекта ее отличает не только более низкий уровень демократии, но и низкий уровень социального неравенства. Специфика социального неравенства в Республике Беларусь, отраженная в динамике индекса ИРЧП, рассматривается в статье белорусского исследователя *Галины Соколовой (Институт социологии НАН, Беларусь)* «Социальное неравенство в Республике Беларусь: показатели, корреляты, механизмы преодоления». Автор показала, что индикатором экономического неравенства в республике выступает соотношение уровня денежных доходов населения с БПМ и МПБ; индикатором

социального неравенства — принадлежность к определенному социальному слою (в зависимости от среднедушевого денежного дохода), с выходом на соответствующий тип экономического поведения. В ходе анализа выявлено, что государственная социальная политика, реализуемая через механизмы социальных трансфертов и организации заработной платы, способствует преодолению социального неравенства. Однако это происходит за счет перераспределения денежных средств между слоями в пользу малообеспеченных слоев и ведет к формированию обширного базового слоя (от одного до двух МПБ) с традиционными ценностями и пассивным типом экономического поведения.

Не остались без внимания авторов и более конкретные проблемы, напрямую являющиеся следствием высокого уровня социального неравенства в обследуемых странах. Анализу проявлений социального неравенства, механизмам его формирования и воспроизводства в сфере занятости, посвящена статья российского автора *Елены Евдокимовой (Социологический институт РАН, Россия) «Неравенство в сфере занятости — причины и последствия»*. Комплексный анализ данных массового опроса и текстов фокус-групп позволил ей выявить заметные противоречия в отношении населения постсоциалистических стран к неравенству в этой сфере. С одной стороны, большинство респондентов считают существование неравенства в этой сфере естественным и полезным, стимулирующим дальнейшее развитие. В то же время многие факторы, действующие в этих странах, приводят к тому, что различия в оплате труда воспринимаются значительной частью опрошенных как избыточные и несправедливые. Несмотря на общность идеологических конструктов недавнего прошлого в отношении населения к различным аспектам неравенства в сфере занятости, автор выделяет существенные межстрановые различия. Она делает вывод, что в России оценки различных аспектов социального неравенства оказываются одними из наиболее жестких среди постсоциалистических стран.

Проблеме занятости населения в условиях социального неравенства и формированию желания решить их через миграцию (в первую очередь, интернациональную) посвящена статья польского исследователя *Марека Новака (Marek Nowak, Adam Mickiewicz University, Poland) «Inequalities and migration in Central and Eastern Europe»*. В своей статье автор выстраивает статистические распределения факторов «толчка» (push-factors) в отношении как массовой миграции в Польшу в 2004–2008 годах, так и в странах-участниках проекта EUREQUAL. По мнению автора, неравенство является фундаментальной причиной существующих миграционных процессов, а индикатором неравенства, в свою очередь, становится собственность. Распределение собственности формирует основу квази типологии стран Восточной и Центральной Европы

и позволяет сравнивать корреляции между важнейшими показателями по разным аспектам проблемы. М. Новак рассматривает проблему «ожидаемого благосостояния» на данных по 13 странам, участницам проекта, и использует такие показатели, как отношение к миграции в целом и высказанное респондентами желание работать за границей.

Механизмы, препятствующие уменьшению социального неравенства в молодежных группах, и факторы, влияющие на отношение их к социальному неравенству в целом, рассмотрены в статье еще одного польского автора *Мацея Кокочиńskiego (Macej Kokociński, Adam Mickiewicz University, Poland)* «*The attitudes of young people from Middle and Eastern Europe towards social inequalities*». С помощью различных моделей социальной включенности молодежи, он проанализировал такие показатели, как сравнительные оценки уровня жизни и образования молодежи и представителей старшего поколения, а также соотнес их с экономической ситуацией в этих странах. Экономический статус и образование оказались самыми сильными факторами, влияющими на отношение к социальному неравенству, которое молодежь напрямую связывает с процессами трансформации. Толерантное отношение молодежи Центральной и Восточной Европы к социальному неравенству в сравнении с представителями более старших возрастных групп, по мнению автора, обусловлено более высокими жизненными стандартами и более высоким уровнем образования молодежи.

Завершает сборник обзорная статья болгарских авторов *Велины Топаловой (Velina Topalova, Institute of Sociology, Bulgarian Academy of Sciences)* и *Тодора Христова (Todor Hristov, Sofia University «St. Kliment Ohridski»)* «*Social Inequalities in Bulgaria*». В ней они анализируют взаимосвязь социальной стратификации в Болгарии с историческими процессами и факторами, включающими доступ к культурному капиталу, не связанному с социальным статусом, демократическими политическими позициями, обусловленными экономическим и политическим капиталом. Исследователи утверждают, что немногочисленная болгарская элита пытается поддержать свой статус, несмотря на исторические превратности. На основе аналитического обзора исследований социального неравенства в Болгарии авторы делают вывод о том, что, изучая политическую и экономическую ситуацию в этой стране, социологи должны более аккуратно использовать некоторые общие прогнозирующие инструменты и показатели.

В заключении хотелось бы поблагодарить всех коллег-партнеров по проекту EUREQUAL, откликнувшихся на наше обращение принять участие в создании этого сборника, а также выразить признательность кураторам проекта Стивену Вайтфилду, Елене Аветовой и Игорю Галину за высокий уровень организации проектных разработок и надежный

инструментарий. Кроме того, хотелось бы отметить представившуюся возможность полезного творческого сотрудничества и дружеского общения с украинскими социологами Юрием Приваловым и Алесей Трофименко из Социологического института НАН.

Надеемся, что представленный в сборнике обширный материал по разным аспектам социального неравенства и его последствий для экономического и демократического развития стран Центральной и Восточной Европы и их граждан, будет интересен и полезен для всех интересующихся этой проблематикой.

Литература

1. Россия в Европе: по материалам Международного социологического проекта «Европейское социальное исследование» / Под общей редакцией А. В. Андреевской и Л. А. Беляевой М., 2009.

2. См. A. Strauss and J. Corbin. *Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques*. CA: Newbury Park, 1990 (в русском переводе — Струс А., Корбин Дж. *Основы качественного исследования: Обоснованная теория, процедуры и техники*. М., 2007. С. 256.

Г. В. Ерёмичева

Stephen Whitefield, University of Oxford, UK

Matthew Loveless, University of Kent, UK

Chiara Binelli, University of Oxford, UK

SOCIAL INEQUALITY: ITS CHARACTER, HOW IT IS PERCEIVED AND THE IMPLICATIONS OF ITS PERCEPTION FOR SOCIAL AND POLITICAL STABILITY¹

1. Introduction

The fundamental aim of the project was to create and disseminate knowledge about the character and consequences of social inequality in post-Communist Central and Eastern Europe (CEE) that will facilitate the achievement of greater social equality between individuals, social cohesiveness in societies, democratic and market development, and the broader integration of Europe.

To achieve this aim, we focused on a number of concrete research objectives. In this chapter, we discuss the results of four central areas of our analytical work. The results therefore summarise work undertaken by Stephen Whitefield, Matthew Loveless and Chiara Binelli, much of which is already published or is under review².

As with other chapters in this volume, we examine these issues using Eurequal survey data from 2007 supplemented by additional data from surveys conducted in 2009 after the financial crisis had started. The 2007 data are

¹ Все статьи сборника, опубликованные на английском языке, представлены в авторской редакции.

² See in particular: Matthew Loveless and Stephen Whitefield, 'Being Unequal and Seeing Inequality: Explaining the Political Significance of Social Inequality in New Market Democracies' (with Matthew Loveless). *European Journal of Political Research*, 2011, forthcoming. Stephen Whitefield and Matthew Loveless, 'Social Inequality and Assessments of Democracy and the Market: Evidence from the New Market Democracies of Central and Eastern Europe', *Eurequal Working Paper*, 2009. Stephen Whitefield, Matthew Loveless and Chiara Binelli, 'What is Social Inequality in Central and Eastern Europe', *Eurequal Working Paper*, 2009. Stephen Whitefield and Matthew Loveless, 'What has been the impact of the global financial crisis, and responses to it by governments, on attitudes towards social inequality?', *Eurequal Working Paper*, 2009.

drawn from national probability surveys that were conducted in 13 countries on issues connected with the economic, social, and political behaviour and situation of respondents, as well as their attitudes towards inequality, welfare and redistributive policies, and other social and political issues that may explain or be associated with positions on social inequality. The surveys followed a common format across all countries to allow for maximum comparability of results. These were supplemented by comparable secondary data obtained in August 2009 from a sub-set of 5 countries that allowed us to investigate the impact of the global financial crisis on views of social inequality in 5 countries within our research focus.

Because our interests are also in understanding the impact of national context on social inequality perceptions, the survey data is supplemented by the collection and integration of national level economic, political and social data. These were then integrated into the citizen and party-level data sets to allow for consideration of the impact of national level factors on individual and party level outcomes.

Our research agenda in analysing social inequality with the quantitative data was guided by the following working definition of social inequality, its determinants and consequences:

The study of social inequality entails investigation of the structure of advantage and disadvantage in the life chances and life outcomes of individuals and families (health, happiness, income, wealth, social and cultural opportunities, etc) that are significantly shaped by citizens' social and economic locations and identities (labour market situation, social class, education, gender, ethnicity, age, citizenship, etc), by other important distributional mechanisms (social networks -corruption, blat'; government institutions and policies), and by national characteristics (economic and political development), and how these structured advantages and disadvantages may be translated into cultural and political representations, attitudes and behaviours among citizens and into democratic party competition.

To this end, therefore, the research we report here has pursued a number of lines of enquiry, that focus on the individual level determinants of social inequality and attitudes and behaviours arising (from the citizen surveys), and the effect of national characteristics and attributes, such as economic development, democracy, and welfare. In particular, we discuss:

- Is there a structure of advantage and disadvantage, how does it vary across countries, and who is advantaged and disadvantaged?
- How does income inequality translate into perceptions of social inequality? Is social inequality considered acceptable or excessive?
- Does social inequality generate expectations of social conflict?
- What has been the impact of the global financial crisis and responses to it by governments on attitudes towards social inequality?

2. Is there a structure of advantage and disadvantage, how does it vary across countries, and who is advantaged and disadvantaged?

Introduction

Following directly from our conceptualisation of social inequality discussed above, in this analysis we consider whether social inequality, as we theorise, constitutes a ‘package of advantage and disadvantage in the life chances and life outcomes of individuals and families (health, happiness, income, wealth, social and cultural opportunities, etc)’ and then go on to investigate whether the position of individuals and households on any such ‘package’ is ‘significantly shaped by citizens’ social and economic locations and identities (labour market situation, social class, education, gender, ethnicity, age, citizenship, etc), by other important distributional mechanisms (social networks -corruption, blat’; government institutions and policies), and by national characteristics (economic and political development).

We raise these questions because of diversity of views in the literature about the problem of ‘packaging’ of distributional arenas in Central and Eastern Europe. Some research points to the fragmenting impact of Communist power and command economies on the packaging and determinants of advantage and disadvantage — for example, in terms of housing (Szelenyi, 1987) — and in terms of their determinants (e.g., class fragmentation (Kende and Strmiska, 1987), the fragmenting impact of ethnicity (Kitschelt et al, 1999, but see Basinska and Ziolkowska- Kuflińska). There is also some uncertainty about whether the transitional character of markets and democracy in the region may limit the emergence of ‘packages’ that one might expect in established market democracies (Kitschelt, 1992), and of course, we note that the differential character of market and democratic development in the region might lead us to expect differences in the form and extent of packaging.

Empirical results

To investigate these issues empirically, therefore, we used Eurequal data that provide measures of individual and households location on a number of distributional arenas, including income, possessions, savings, employment benefits, housing situation, health, health access, educational access, and cultural access. First, we performed a factor analysis to see whether there was indeed a single underlying dimension — our concept of social inequality — of structured advantage and disadvantage, and whether such a structure was common to all CEE states in our study.

The results, shown in Figure 1, do indeed point to the existence of such a dimension — and indeed, show that there is only one such dimension. Moreover, while the precise characteristics of the dimension vary somewhat across our states, the overall shape appears remarkably similar.

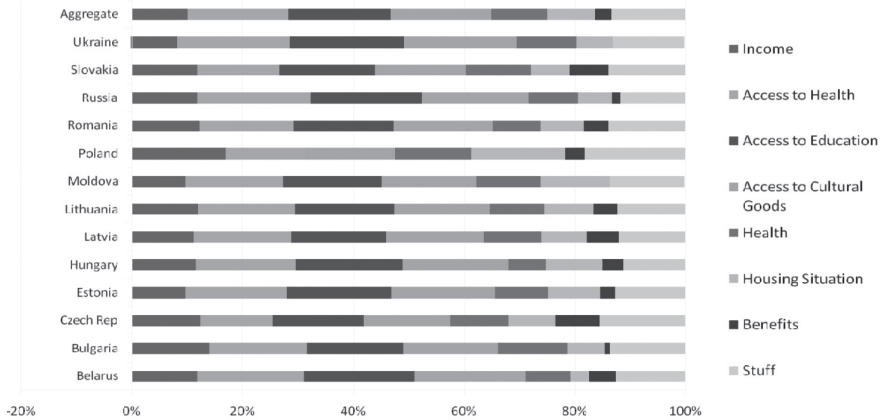

Figure 1. Percentage contribution of factor loading to factor as a whole (pooled and by country)

Second, we considered whether the social inequality factor that we have uncovered operates to predict other life outcomes and situations in appropriate ways, as it should if our measure is to be considered valid. To investigate this, therefore, we then regressed our social inequality factor on to various aspects of household economic circumstances. The results, shown in Table 2.1, show strong associations in the predicted directions.

Table 2.1. Regression of assessments of social inequality factor on to aspects of household economic circumstances

b (se)	Material deprivation OLS	Enough money to buy medicine Logit	Enough money to pay utility bills Logit
Social inequality factor	0.88*** (0.01)	2.04*** (0.05)	1.76*** (0.05)
Constant	2.87*** (0.01)	1.54*** (0.03)	2.02*** (0.04)
R ²	0.36	0.21	0.17
N	8351	8398	8395

* p<0.05, ** p<0.01, *** p<0.001

Third, we considered what kinds of people are advantaged and disadvantaged. Do the determinants of location on our social inequality in CEE states match information about factors shaping (dis)advantage in other national contexts or is there something distinctive socially distinctive about CEE states? To investigate this, then, we regressed the social inequality factor onto the ‘usual

suspects': occupational class; employment status; age; education; gender; ethnicity; religion; marital status; housing situation. The results of these analyses are shown in Table 2.2, where we find strong associations between occupational class, gender, age, education, and ethnicity in expected directions.

Table 2.2. Regression of social inequality factor on to social and demographic determinants

	Beta (s.e.)		Beta (s.e.)
<i>Social Class</i>		<i>Marital Status</i>	
Low Controllers	-0.11*** (0.02)	Married	0.08*** (0.02)
Routine non-manual	-0.17*** (0.02)	Cohabitate	0.01 (0.02)
Self Employed (w employees)	-0.07 (0.04)	Separated	-0.02 (0.01)
Self Employed (w/o employees)	-0.05 (0.04)	Divorced	-0.02** (0.01)
Self-Employed Farmer	-0.28*** (0.07)	Widowed	-0.01* (0.00)
Manual Supervisor	-0.08 (0.07)	<i>Employment Status</i>	
Skilled Manual	-0.22*** (0.02)	Full-time Education	0.16** (0.05)
Semi-/unskilled Manual	-0.25*** (0.02)	Unemployed	-0.35*** (0.03)
Farm Labor	-0.36*** (0.03)	Retired	-0.13*** (0.02)
No Reported Class	-0.11*** (0.03)	Other	-0.24*** (0.02)
<i>Socio-Demographics</i>		<i>Housing Situation</i>	
Gender	0.05*** (0.01)	Single Family dwelling	0.08 (0.06)
Age	-0.01*** (0.00)	Various Flats	0.10 (0.06)
Education	0.10*** (0.01)	People in Household	0.01 (0.01)
Ethnic Majority	0.08*** (0.02)	Constant	0.11 (0.06)
Majority Religion	-0.02 (0.01)		

R-squared: 0.3221; Number of observations: 7842; * p<0.05, ** p<0.01, *** p<0.001

Finally, in line with the multi-level character of our research design, we investigated the relationship between our social inequality factor and national context and conditions. Are certain kinds of countries on average more or less advantaged? Our results show clear associations:

Differences across the region:

- Russia and Ukraine are most disadvantaged on average, while Czech Republic, Estonia, Hungary and Slovakia are most advantaged.

- Differences in economic and political development:

- Growing countries have on average more advantages.

- Politically freer countries are also more advantaged.

- Differences by levels of inequality:

- More unequal countries (by comparison of Gini's) are also more disadvantaged.

Conclusions

In line with our theoretical expectations, there does appear to be a package — one package of social advantage and disadvantage. The package is strongly predictive of important household economic outcomes and perceptions. The ‘usual suspects’ do well and badly and differences across countries appear relatively weak in terms of the social determinants of advantage and disadvantage. Countries that are more democratic, grow economically and are more egalitarian have populations that are on average more advantaged than countries that are not. In other words, Central and Eastern Europe does not appear to present differently than states elsewhere.

We take this as empirical vindication of our approach to developing a social inequality and for the value of using our indicator in a range of additional empirical contexts.

3. How does income inequality translate into perceptions of social inequality? Is social inequality considered acceptable or excessive?

Introduction

In this section, we address the question: does being unequal lead citizens to see social inequality? And more specifically, are citizens in more unequal societies more likely to believe that social inequality is excessive than citizens in less unequal societies? If levels of ‘objective’ inequality do not drive perceptions of social inequality, then what does?

Among the theoretically most relevant national contexts, therefore, are: national levels of inequality and/or change in those levels, since it may be that it is the extent of objective departure from ‘normal’ or inherited inequality levels that makes individuals perceive excessive inequality rather than the absolute level of that inequality; levels of economic development and/or economic growth, since it may be that individuals care less about distributional issues when they are relatively wealthy or experience economic improvement; democracy and welfare, since in circumstances where citizens feel either that they can redress their concerns via the ballot box or have in place mechanisms to mitigate the worst effects of the market they may be less inclined to see excessive social inequality; and party level factors (using measures from our expert surveys), since where parties stimulate concern about social inequality, citizens may be more likely to perceive it to be excessive.

Against these national level determinants of ‘seeing social inequality, we set a range of supplementary or alternative individual level factors that may give rise to negative perceptions. These include: citizens’ position in the social structure, with the expectation that those in less advantaged positions will be

more likely to believe social inequality is excessive; evaluations of personal and national economic experiences, with the expectation that those with negative evaluations will be more likely to see excessive social inequality; and normative commitments, including views of the ideal way to organize economies and politics and about the most legitimate mechanisms for social advancement.

These questions are important because of what they may tell us about the triggers for social inequality perceptions, which may be of considerable value to know if these perceptions are in turn generative of other important outcomes and beliefs such as support for the market, democracy, EU integration and expectations of social conflict.

Empirical results

We first present results from all countries of a question about how citizens perceive levels of social inequality. Is it too high? Just right? Is there not enough? As table 3.1 shows, the preponderance of respondents across the region see social inequality to be excessive. But we also see considerable variance across countries in the extent to which excessive social inequality is perceived, from a high of 85 % in Hungary to a low of 45 % in Romania. What then explains these country differences? Is it to do with differences in national contexts?

Table 3.1. Perceptions of Social Inequality (%)

	N	Too Much	Right amount	Not enough	No SI	DK
Bulgaria	998	83.3	13.2	0.9	0.5	2.0
Czech Rep	990	68.8	28.4	1.9	0.1	0.8
Estonia	1057	61.8	30.0	1.8	1.3	5.1
Hungary	1030	85.2	11.7	1.0	0.4	1.7
Latvia	1001	69.5	25.9	4.3	0.5	1.8
Lithuania	1002	71.9	18.6	2.5	1.1	6.0
Moldova	1042	51.1	21.1	9.9	2.8	15.2
Poland	1498	63.4	26.2	3.7	2.0	4.7
Romania	1483	44.6	44.9	5.7	1.3	3.5
Russia	2000	83.8	8.1	4.8	0.7	2.7
Slovakia	1032	71.1	16.2	8.3	1.3	3.1
Ukraine	1494	87.0	9.8	1.5	0.3	1.3

We find, however, only limited and relatively weak relationships between national contexts and perceptions of social inequality, as table 3.2 shows for some selected indicators. (A full range of national predictors was investigated.

Table 3.2. National Context and Perceptions of Social Inequality

	Economic Development	Democratic Governance	Issue of Party Competition
'Too much' Social Inequality	Change in GDP: r = 0.22	Democratic development over time (FH): r = -0.01	Redistributive politics: r = -0.32
	Change in GINI: r = 0.07	Levels of social welfare spending r = 0.39	State vs. market basis for the economy: r = 0.33
			Strengthening democratic institutions: r = -0.50

Nothing significant goes unreported in the table.) Particularly surprising is the absence of relationship between levels of inequality as measured by the gini (not shown) or change in the gini over time and seeing excessive social inequality. There are also weak relationships of perceptions to economic development and growth. No relationship to measures of democracy is indicated. The strongest national level determinant — levels of welfare spending — work in the opposite direction to our expectations: where spending is higher, so too are perceptions that inequality is excessive somewhat higher ($r=.39$). Of course, we cannot infer anything about the causal direction involved in this relationship: countries may have higher levels of welfare spending, after all, precisely because they have lower tolerances for inequality. The strongest relationships of all appear to be at the party level, where again we must be cautious about making causal inferences about the direction of effects. However, even here we find that the greatest connection of party divisions to views of inequality relates not to emphasis on redistributive issues but to emphasis on democratic institutions.

If national level factors appear not — or only weakly — to anchor social inequality perceptions, do individual levels factors fare any better as explanations? The results of the individual level analysis are shown in table 3.3. Indeed, here we do find significant associations, not only for social location and economic experience, but also for political perceptions as well. Negative views of the market and with democracy in practice clearly drive negative views of social inequality, even controlling for the fact that those who don't like democracy and the market also tend to have negative experiences of those institutions. Such normative considerations about the ideal ways in which economies — but NOT politics — should be organised, along with negative views of the unfairness of advancement mechanisms, appear to be the strongest predictors of seeing excessive social inequality.

Conclusions

In CEE, therefore, as we can see, current levels of social inequality are widely perceived to be excessive. Our analysis, however, indicate that perceptions of social inequality are little affected by country context or relatively little by individuals' social structure and location. Instead, perceptions are significantly affected by household economic experiences, overall assessments of market and democratic performance, by anti-market (but not anti-democratic) norms, and by normative judgments about fairness.

Legitimizing social inequality, therefore, does not appear to depend *directly* on reducing inequality itself — or the growth in inequality — by making citizens of CEE states objectively wealthier, or achieving greater democratic consolidation in the region. Rather, its legitimization appears to depend on a combination of change in underlying normative commitments — particularly a shift towards accepting that the market is the ideal way of organizing an economy — that may take considerable time to come about. But it also appears to relate to some more tractable aspects of institutional performance: can democratic institutions work better to represent citizens; and can advancement mechanisms be made to work more fairly.

Table 3.3. Individuals and Perceptions of Social Inequality

	Beta (s.e.)		Beta (s.e.)
Retro HH SoL	-0.12*** (0.03)	Gov't Responsible	0.42*** (0.04)
Prosp HH SoL	0.00 (0.04)	Gov't Income	0.18*** (0.02)
Retro Country SoL	-0.08* (0.04)	Gov't controlwages	0.10*** (0.02)
Prosp Country SoL	-0.05 (0.04)	Gender	-0.03 (0.05)
Exp w Mkt	-0.18*** (0.03)	Employed	0.15* (0.07)
Mkt improves SoL	-0.26*** (0.03)	Age	0.01*** (0.00)
Exp w Dem	-0.14*** (0.03)	Med Income	0.02 (0.06)
Dem for Rich	0.20*** (0.03)	High Income	0.15* (0.07)
Mkt Economy Ideal	0.16*** (0.03)	Education	0.05* (0.02)
Dem Ideal	-0.04 (0.03)	Ethnic Majority	0.08 (0.07)
Srtuctural Adv's	0.01 (0.01)	<i>Constant</i>	-208*** (0.35)
Personal Abilities	-0.01 (0.01)	<i>Pseudo-R2</i>	0.1216
Connections	0.09*** (0.02)	<i>N</i>	8370

4. Does social inequality generate expectations of social conflict?

Introduction

Markets and democracy are in different ways allocative systems and are likely to produce contestation over distributive outcomes that may impact on how citizens assess these systems. Given their distributive consequences, markets and

democracies may well generate negative assessments when economic and political differences between citizens are larger. In the CEE context, therefore, we address two important questions. For new democracies and market economies, where social inequality has often risen dramatically, does SI or perceptions of SI lead citizens to go beyond concerns about specific allocative issues to question democracy and markets as allocative *systems* or to desire governance changes that may be incompatible with democracy? And, more particularly, does SI or perceptions of it create expectations that markets and democracy will give rise to social conflict?

As distinct allocative mechanisms, however, markets and democracy have the potential to reward a different set of winners and therefore produce different expectations about whether SI will generate negative views about democracy and the market. In particular, mass democracy is often seen as a means by which the economic losers from market allocation can use their votes to produce majorities that will implement policies to mitigate the effects of the market through tax and welfare measures. On the other hand, there is a widespread belief among CEE citizens that the winners from the market transition have also been highly successful in positioning themselves politically in the new democratic order. Theoretically, then, markets and democracy may be equally generative of expectations of social conflict in similar parts of the population or produce quite different expectations in different sub-groups depending on who the relative winners and losers in each sphere might be.

Empirical results

We consider the relationship of social inequality — and perceptions thereof — to views of markets, democracy and social conflict in our empirical analysis using four measures from our surveys as dependent variables.

- Democracies are a good means of solving social conflicts.
- Market economies lead to more social conflict.
- What this country needs to resolve its economic problems is government with a strong hand.
- It will be worthwhile to support a leader who could solve the main problems facing [country] today even if he overthrew democracy.

The distribution of average stances on each of these measures is presented in table 4.1.

As in previous analyses above, we first consider whether views of democracy, the market and social conflict are generated by national contexts. In particular, we might expect that differences in the mean scores in table 4.1 are associated with differences in the extent of income inequality or change in the extent of income inequality over time. Those relationships

are shown in table 4.2. As was the case when considering the relationship between income inequality national indicators and perceptions of social inequality levels among citizens, the relationships in table 4.2 generally appear quite weak. There are no significant relationships between income inequality and views of democracy. However, there is one significant and strong relationship between views of markets as drivers of social conflict and the extent of income inequality. But, surprisingly (though in line with previous findings), this relationship is negative: in other words, it is citizens in less unequal societies that are more inclined to expect markets to generate social conflict, a result that we believe is as likely to explain lower levels of income inequality as to be explained by it.

Table 4.1. Mean scores on market and democracy assessments
(5-point agree/disagree scales)

Country	Democracy Social Conflict	Market Social Conflict	Economic Strong Hand	Leader if no Democracy
Bulgaria	3.10	3.63	4.22	3.53
Czech Rep	3.33	3.56	3.39	2.27
Estonia	3.49	3.33	3.42	2.80
Hungary	3.25	3.74	4.29	3.21
Latvia	3.38	3.41	4.01	3.15
Lithuania	3.51	3.20	3.79	3.18
Moldova	3.41	3.16	3.80	3.22
Poland	3.62	3.41	3.76	2.84
Romania	3.29	3.41	4.01	2.93
Russia	3.17	3.37	3.83	3.35
Slovakia	3.37	3.45	2.73	2.41
Ukraine	3.31	3.53	4.13	2.57

Table 4.2. Weak relationships between country inequality measures
and conflict expectations

	Democracy and Social Conflict	Market and Social Conflict	<i>After regression</i>	Democracy and Social Conflict	Market and Social Conflict
Income inequality (GINI)	r = 0.26	r = -0.63*		r = 0.26	r = -0.33
Change in inequality over time (2002-7)	r = 0.38	r = 0.37		r = 0.19	r = 0.33

We next consider the extent to which perceptions of social inequality — which we showed above are more strongly explained by normative and experiential differences across individuals than by country contextual factors — drive expectations that markets and democracy will produce social conflict. At the outset, however, we note that our interest is exclusively in the independent impact of SI perceptions on conflict. Given that perceptions of SI have already been shown to be strongly affected by normative commitments and other factors, in order to test for the direct impact of SI perceptions on conflict expectations, we need to control for those normative differences. In other words, we know that people who don't like markets in principle or who have had bad experiences of the market in practice often see excessive social inequality; so, taking those normative commitments and experiences into account, we want to know whether there is any remaining impact of social inequality perceptions on conflict. We therefore model that relationship with a series of controls.

Table 4.3. Social inequality increases expectations of market conflict but not democratic conflict

Beta (s.e.)	Democracy conflict	Market conflict	Economic Strong Hand	No Democracy
Social Inequality	-0.03 (0.02)	0.19*** (0.02)	0.14*** (0.02)	0.02 (0.02)

■ Full Models controlling for SES, Political and Economic Ideals and Experiences, Social Location, country dummy variables.

The results are shown in table 4.3 and point to a theoretically and substantively important anomaly. Views of social inequality do indeed strongly drive expectations of market based social conflict. In fact, a comparison of the standardised betas in our models shows that views of social inequality are in fact the strongest predictor of expectations of market based conflict, stronger even than normative views of the market. However, we find no effect of views of social inequality on expectations of democracy based conflict once normative commitments to democracy in particular is taken into account.

Conclusions

We find that most expectations of conflict are generally weakly related to objective measures of economic inequality, with the exception of a negative relationship between inequality and market based conflict. Perceptions of SI also play a very limited role in generating negative views of democracy. Rather, so far as democracy is concerned, anti-democratic and anti-market sentiments

and experiences drive perceptions. In the case of the market, however, even taking into account citizens' views of democracy and the market, views of SI play the largest role in generating perceptions. Similarly, those who want anti-democratic leadership are also those who don't like democracy in principle; those who want economic governance with a strong hand, by contrast, are likely to be people who also see excessive SI.

The results are important because they suggest that markets and democracy really do function as distinct allocative mechanisms in CEE states. Social inequality, and perceptions thereof, appears to drive expectations of conflict. But citizens do not appear to judge democracy in the same way. While it might have been more gratifying to find that negative views of levels of social inequality were associated with positive assessments of democracy — which we do not find — at least our results indicate that democracy has not been delegitimated in the region by SI. Markets, however, remain highly contested and not just by those who dislike them in principle. In fact, the greatest apparent underpinning of negative views of the market and social conflict appears to come from views of social inequality itself.

5. What has been the impact of the global financial crisis, and responses to it by governments, on attitudes towards social inequality?

Introduction

Given that the analyses above are being undertaken using data from 2007, our Project — like most of the rest of the world — has been overtaken by the dramatic economic events of the global financial crisis. This crisis has not only economic impacts on asset values, employment and wages, government benefits and programs etc. It has also had dramatic social and political consequence, raising issues about the desirability and legitimacy of bankers' remuneration, the capacities and legitimacy of states to regulate markets, and has raised at least the prospect of social and political instability.

Our interest in social inequality powerfully connects with many of these questions. Has the global financial crisis affected the economic lives of citizens and their families? Does it lead them to negative views about their political authorities? Is it likely to lead to political and social unrest? And, most importantly from our perspective, does the crisis connect with citizens' views and perceptions about social inequality?

We are able to investigate a number of these issues using secondary data that we obtained from partners in some five countries in September 2009 — Russia, Ukraine, Estonia, Latvia and Lithuania — that have been strongly affected by the crisis, though to differing degrees. Clearly, this analysis is in

its early stages (though for a longer discussion see Whitefield and Loveless, ‘Social Inequality and the Financial Crisis’, in preparation). However, the initial results below point to some important connections between the crisis and views of social inequality.

Empirical results

We first present the results of questions in table 5.1 of questions that ask respondents to assess the impact of the economic crisis in various respects. The results are country means on the scales, with higher scores indicating more negative views. As we can see, there are strongly negative views of the impact of the crisis on all investigated dimensions, with strong concerns that the crisis has negatively impacted on the economy as a whole and on families, that the political authorities have by and large responded poorly, and that the social and political situation has become less stable as a result. At the same time, we also see clearly significant differences between countries in the extent of their negativity, with negative views more pronounced in Ukraine and generally least negative in Russia.

Table 5.1. Mean scores by country of responses to impacts of financial crisis.

	Impact of this crisis on the economy of country*	Performance of the political authorities in handling this crisis*	Social and political situation has become more stable or less stable**	Direct-impact on you or your family*
Estonia	3.8070	3.2770	2.6860	3.6110
Latvia	4.0819	4.0113	2.7382	3.9812
Lithuania	4.1506	3.8404	2.7611	3.9207
Russia	3.8440	3.1653	2.5673	3.6173
Ukraine	4.3579	4.3240	2.7371	4.0320

* Five point scale with 1 = very positive and 5 = very negative. ** 3 point scale with 1 = more stable and 3 = less stable.

With these data, we were also able to obtain information from the post-crisis period about two questions that figured centrally in the 2007 Eureka analysis: do citizens believe that social inequality is excessive? And do they believe that it should be a responsibility of government to reduce income inequality. Table 5.2 shows how responses have changed in these five countries between 2007 and 2009.

Table 5.2. Mean scores by country of views of social inequality (2007–2009)

	year	Governments should make incomes equal*	There is too much social inequality**
Estonia	2007	3.3491	.6178
	2009	3.4540	.6250
Latvia	2007	3.7562	.6953
	2009	4.1045	.8032
Lithuania	2007	3.9800	.7186
	2009	3.8484	.7958
Russia	2007	3.7445	.8375
	2009	3.5407	.6900
Ukraine	2007	3.6193	.8667
	2009	4.1455	.7886

* Five point scale with 1 = strongly against government intervention for equality and 5 = strongly in favour. ** Percentage agreeing that social inequality is excessive.

Again, the table shows a general preponderance (mean scores are consistently closer to egalitarian end of scale) for support for government intervention. It is also interesting to note the country differences in terms of change over time. In only two of countries, for example, does support for state intervention to increase equality increase significantly over time — in Latvia and Ukraine, while in Russia it significantly declines. And only in Latvia, do we see a significant increase in the percentage of respondents who believe that social inequality is excessive — from 70 % to 80 %; again, in Russia, this percentage declines from 84 % to 69 %.

The empirical question we then address is about the relationship between views of social inequality and views of the impact of the crisis. In particular, do negative views about the financial crisis increase estimates that social inequality is excessive? If so, which aspects of the financial crisis are most linked in citizens' minds with their views of social inequality? Moreover, do differences in views of the impact of the crisis across countries significantly help to explain differences in estimates of the level of social inequality within a given society?

To get at these questions, we regressed our estimate of whether people think that social inequality in society is too much onto the various financial crisis questions. (Given the binary nature of this dependent variable, we used binary logistic regression to estimate the effects.) In addition, we included as a predictor the measure of support for government intervention to equalise

incomes. This is because, as we have seen above (Whitefield and Loveless, Loveless and Whitefield), there is a predictable link between overall stances towards the economy and government and views of the extent of social inequality; essentially, more left wing people are more likely to see more inequality. However, because our question is about the impact of the financial crisis, we include a question that gets at general economic orientation as a control. In other words, taking into account whether someone is left wing or right wing about economic policy, is there a remaining link of views of SI to the financial crisis. Because Latvia exhibits the highest percentage of those who perceive too much social inequality, it is used as the reference category against which other countries are compared.

The results in table 5.3 make compelling reading. The first model with only the country dummies what we already know; namely, that citizens in some countries, particularly Estonia and Russia, see significantly less excessive social inequality than do Latvians. However, the pattern changes considerably when the other variables are introduced in model 2. Here, we see an expected strong link between left-right economic orientation and estimates of social inequality. However, even controlling for that link, we find additional strong links between social inequality and the most of the financial crisis measures. There is one notable exception to these linkages, however: once other crisis measures have been taken into account, there is no connection between estimates of social inequality and expectations of social and political unrest. Rather, views of social inequality appear to be driven especially by assessments of the crisis on family circumstances.

Finally, we see that differences across countries in estimates of the financial crisis (plus, of course, left-right orientations) explain a huge amount of the variance across countries in negative views of the extent of social inequality. Once these factors have been taken into account, Russians appears no different from Latvians; and much of the difference between Estonians and Latvians also disappears (Wald declines from 78.5 in model 1 to 17.1 in model 2).

Conclusions

Our data and analysis show that the financial crisis does indeed appear to have had a significant effect on perceptions of excessive social inequality. This is shown in the ways in which differing estimates of that excess can be significantly explained by differences in estimates of the crisis' impact. Certainly, citizens in these states who see excessive social inequality link it to negative views of how their governments are responding. However, the main linkages between the crisis and social inequality in citizens' minds are from their own economic situation and not from a sense that the crisis will produce social and political instability.

Table 5.3. Regression of Too Much Social Inequality onto Financial Crisis Predictors plus Left-right Control plus Country Dummies

	Model 1 b (se)	Model 2 b (se)
Estonia	-.896*** (.10)	-.450*** (.11)
Lithuania	-.046 (.11)	.074 (.11)
Russia	-.606*** (.10)	-.163 (.10)
Ukraine	-.090 (.11)	-.200 (.11)
Latvia	---	---
Impact of this crisis on the economy of country		.186*** (.04)
Performance of the political authorities		.117** (.04)
Social Stability		.087 (.06)
Impact of this crisis on the family		.315*** (.05)
Support for government intervention		.334*** (.03)
<i>Pseudo R-squared</i>	.04	.12
<i>N</i>	5602	5602

Statistical significances include: * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

6. Conclusions

The results discussed above have important implications for our understanding of social inequality and its consequences in Central and Eastern Europe. Theoretically, we have developed a conception of social inequality as a package of advantage and disadvantage across a range of distributional arenas, operationalised this concept with measures from our data, tested the validity of our concept across our cases, and shown it to be a substantively fruitful indicator that explains important outcomes in people's lives.

However, we have also shown a much more contingent than expected relationship between objective national level indicators of inequality and citizens'

conception of its existence and character and of its political and cultural consequences. People in Central and Eastern Europe care about social inequality but they appear to care most where social inequality is least evident not where it is most so. And their views of social inequality matter to the legitimation of markets, democracy and the EU and to expectations of some forms of social conflict.

Our main emphases to policy maker and opinion formers therefore is to treat social inequality seriously because it matters greatly to the life chances of citizens but to treat views of social inequality just as seriously. These views, however, have a dual character. On the one hand, perceptions of excessive social inequality impacts negatively on democratic, market and European institutional development — and the global financial crisis appears to have led citizens to link their economic experiences and that of their economic institutions strongly with social inequality. On the other hand, those who see social inequality to be most excessive are also those who live in states where inequality is objectively the most limited. At bottom, policy makers have good reason to engage with public attitudes towards social inequality, but unfortunately may find greatest support for doing something about the realities of it where inequality is least severe.

Корнев Н. Р., СИ РАН, Россия

ПОДДЕРЖКА ДЕМОКРАТИИ И «СИНДРОМ АВТОРИТАРИЗМА»

Демократия и рыночная экономика — ключевые идеологические концепты-цели для изменений в посткоммунистических странах, проводимых с начала 1990-х годов и изучаемых проектом EUREQUAL в связи с явлениями социально-экономического расслоения населения в ходе системной трансформации.

В этой работе мы проведем сравнительный анализ данных массового опроса жителей каждой из 13 стран-участниц проекта EUREQUAL об их отношении к демократии и ее антиподу — авторитаризму. История уже на многих примерах показала, что чем больше у общества острых проблем, долгое время не решаемых демократическими средствами управления, тем заметнее оказывается рост авторитарных настроений — готовности поверить «сильной личности», сулящей лучшую жизнь. И не только поверить таким обещаниям, но и передать потенциальному диктатору всю полноту власти, отказавшись от демократии.

Анкетное исследование по проекту EUREQUAL начинается с двух вопросов — об отношении к демократии «как идеальному способу управления» страной респондента и об оценке «той демократии, которая уже на самом деле существует в нашей стране». Распределения ответов на них в каждой стране мы сопоставим с ответами еще на один вопрос, поставленный глубоко внутри большой анкеты (более 350 вопросов), но теснейшим образом связанный по смыслу с первыми двумя. Этот третий и ключевой для нашего анализа вопрос предлагает респонденту оценить свое согласие со следующим суждением: «Имеет смысл поддержать лидера, который смог бы решить основные проблемы, стоящие сегодня перед страной, даже если бы он покончил с демократией». Согласные с этим суждением, очевидно, являются сторонниками авторитаризма, но не демократии. Все три вопроса используют для ответов пятибалльную шкалу согласия, которую при анализе мы часто будем сводить к трем позициям: согласие, несогласие и отсутствие определенной позиции.

Оценим широту поддержки демократии в рассматриваемых посткоммунистических странах по данным каждого из трех вопросов (табл. 1)¹. Поддерживающих демократию как идеальную форму управления почти везде больше, чем ее противников, и это хорошо видно по значению коэффициента демократичности $K1_{\text{дем}}$, равного частному от деления значений в первом столбце таблицы (доли поддерживающих) на значение во втором (доли противников). $K1_{\text{дем}}$ везде больше единицы, за исключением лишь Литвы. Итак, в большинстве стран демократию как комплекс идей в 2007 году, когда проводился анкетный опрос, поддерживала примерно половина населения, более всего — в Румынии (61,1%) и Беларуси (54,6%). В первой, по-видимому, еще хорошо помнят режим Чаушеску и кровавый финал освобождения от него. В Беларуси же по-прежнему знакомы с демократией лишь как с идеалом, в условиях авто-

Таблица 1. Отношение населения 13 стран к демократии как идеальной форме управления, оценка существующей демократии и готовность поддержать авторитарного лидера с отказом от демократии

Страна	Отношение к идеальной демократии			Оценка существующей демократии			Поддержка авторитарного лидера с отказом от демократии		
	Вопрос анкеты A1a			Вопрос анкеты A1b			Вопрос анкеты E5j		
	+	-	$K1_{\text{дем}}$	+	-	$K2_{\text{дем}}$	+	-	$K_{\text{авт}}$
Чехия	49,5	18,9	2,61	35,2	36,9	0,95	16,0	62,5	0,26
Словакия	48,4	14,7	3,29	38,3	28,7	1,33	15,3	57,3	0,27
Польша	49,5	29,1	1,70	34,8	39,7	0,88	29,0	41,3	0,70
Венгрия	40,4	37,1	1,09	18,1	64,5	0,28	42,9	30,4	1,41
Румыния	61,1	20,2	3,02	29,8	47,4	0,63	35,0	39,7	0,88
Болгария	44,6	32,3	1,38	21,0	53,7	0,39	55,3	20,1	2,75
Эстония	38,3	22,9	1,67	42,3	20,9	2,02	23,6	39,9	0,60
Латвия	41,3	22,7	1,81	25,1	37,1	0,68	41,3	30,6	1,35
Литва	30,9	43,4	0,71	31,7	43,3	0,73	36,0	23,2	1,55
Россия	46,1	20,5	2,25	28,0	38,8	0,72	41,8	18,3	2,28
Украина	40,7	30,8	1,32	18,3	56,6	0,32	54,9	17,3	3,17
Беларусь	54,6	14,5	3,77	40,4	26,8	1,51	24,6	22,6	1,09
Молдова	46,7	28,3	1,65	27,8	48,4	0,57	38,0	22,2	1,71

¹ В табл. 1, как и во всех последующих, указаны анкетные обозначения вопросов для возможности проверки приводимых нами значений с использованием исходной базы данных.

ритарного режима несменяемого президента Лукашенко. И там противников идеальной демократии оказалось столь же немного (14,5%), как в посткоммунистических странах-лидерах по уровню жизни [1] — Словакии и Чехии (14,7% и 18,9% респондентов с негативным отношением к демократии). В результате именно Беларусь оказалась среди 13 стран лидером по значению $K1_{дем}$ (3,77) — отношению числа сторонников и противников демократии как идеи, идеала.

Наличие во всех остальных странах опыта реализации идей демократического управления в течение уже почти двадцати лет после окончания «реального социализма» объясняет, вероятно, существенно иное соотношение положительных и отрицательных оценок ($K2_{дем}$) не идеальной, а реальной, существующей демократии. Доля населения, поддерживающего реальную демократию, которую удалось построить, почти везде значительно ниже, чем при определении отношения к демократии идеальной. Наиболее заметно это в Румынии, Болгарии, Украине, Венгрии, где снижение поддержки демократии реальной относительно идеальной составило 31,3%, 23,6%, 22,4% и 22,3% от всего населения. При этом в трех последних из указанных стран существующую демократию оценили негативно большинство опрошенных, свыше 50%. $K2_{дем}$ выше единицы, то есть позитивных оценок реальной демократии больше, чем негативных — лишь в трех странах: Словакии, Эстонии и (!) — в Беларуси (снова отметим этот особый случай).

Однако самые впечатляющие результаты дали ответы на вопрос о готовности отказаться от демократии в пользу того, кто пообещает решить основные проблемы². На это оказалось готово более половины населения в Болгарии и Украине (55,3% и 54,9%). Не очень уступили им Венгрия, Россия и Латвия, где свыше 40% опрошенных готовы поддержать того, кто заявит что-то вроде: «Я решу ваши проблемы, но без игр в демократию». Если посчитать «коэффициент авторитаризма» $K_{авт}$ как отношение числа сторонников авторитарного варианта к числу его противников (см. 9-й столбец табл.1), то в 8 из 13 стран он оказывается более единицы — в них больше сторонников авторитаризма.

Россия ($K_{авт}$ = 2,28) входит в тройку стран-«лидеров» по величине этого показателя, но готовность к авторитаризму еще выше в Украине ($K_{авт}$ = 3,17) и Болгарии ($K_{авт}$ = 2,75). Интересно представлена в странах и третья позиция при выборе между авторитаризмом и демократией, которая в явном виде не показана в таб.1 — доля тех, кто не сделал определенного выбора или не дал ответа на поставленный вопрос. По ее размеру в выборке страны делятся на три группы: в восьми странах доля «не

² Точная формулировка тест-суждения E5j в российской анкете приведена на стр. 33.